Хороший командующий

Сергей Адамович Колбасьев

SHOUT
SHARE
IT

- Колбасьев Сергей Адамович

Колбасьев Сергей Адамович
Хороший командующий

Колбасьев Сергей Адамович
Хороший командующий
1

Стратегическая литература, в общем, безвредна, но изучать по ней стратегию не стоит (то же относится и к настоящему рассказу). Стратегию следует изучать на войне, где она является одним из элементов быта.

Хороший командующий не должен обладать излишним воображением, только тогда он сможет видеть вещи такими, каковы они на самом деле. Очень важен для него приятный характер и необходим профессиональный юмор. Обязательно - бесстрашие в обращении с высшим начальством.

Одного хорошего командующего я знал лично. Вместе со своим комиссаром он прогуливался по пристани между двумя рядами боевых кораблей. Было яркое солнце и совершенный мир в небесах и порту.

Были торговки с зелеными горами арбузов, босоногие мальчишки с удочками и военморы в различных формах одежды, кучками вокруг балалайки, котла со щами, розовой машинистки из управления порта и взволнованного поросенка, только что прибывшего на истребителе из Ахтарской станицы.

Были боевые корабли, но они тоже выглядели мирно, потому что иначе не умели. Их сделали из ледоколов, насыпных пароходов и землеотвозных шаланд, тех, что вывозят грязь от землечерпалок. Они не походили на морскую аристократию - серые корабли с волчьим профилем и легким волчьим ходом. Они были простыми рабочими, вооруженными наспех и случайно, красногвардейцами, взявшимися за оружие, чтобы защищать свой труд.

Но командующий не обладал излишним воображением и этого пафоса своей флотилии не ощущал. Ему не нравилось, что она ходила пять узлов.

Канонерские лодки!-одно название. На них даже стотридцатимиллиметровые пушки выглядели грузовыми стрелами. Командующему захотелось плюнуть на корму своего флагманского корабля, но он удержался.

Собственно говоря, сердиться на корабли было не за что. Они пришли служить, когда других не было, и служили хорошо. У землеотвозных шаланд открывающееся днище и воздушные

ящики вдоль борта; значит, в трюмах до ватерлинии вода. Поверх этой воды наложили дощатые настилы, а на них устроили артиллерийские погреба. Ледокол подняли со дна, назвали "Знамя социализма", поставили пушки и сразу пустили в дело. За два года подводного плавания на нем погнило все дерево. Новые помещения заканчивали на ходу: внизу работают плотники, а наверху стоит у заряженных орудий ходовая вахта. Два раза принимали бой, и от стрельбы сыпались недостроенные переборки. Тогда начинали заново.

- Строительство! - пробормотал командующий.- Строить можно в тылу, а тут безобразие, а не тыл. Белые развлекаются всякими операциями, а из Москвы по рельсам приплыло высшее морское командование. Срочность! От этой срочности в бою происходят нежелательные чудеса. И потом команды. Гонят людей со всех четырех морей, а которые из них моряки - неизвестно.

Здесь я должен заметить, что пессимизм командую-щего был необоснован. Моряков узнавали очень просто. Прибывшего спрашивали:

- Где плавал?

- На Балтийском море.

- На каком корабле?

Почему-то чаще всего - на "Рюрике".

- А на гальюне плавал?

Если отвечал - плавал, гнали в пехоту, потому что гальюн - значит уборная.

Но пессимизм командующего, кроме того, был случаен и ограничен лишь до известной степени: он проявлялся только перед обедом. И от этой мысли командующий улыбнулся.

Что с того, что у противника настоящие канонерские лодки и даже миноносцы, а в тылу весь Севастополь, Свое дело верное.

- Весело, - сказал он.

- Ничего не весело, - ответил комиссар, тоже думавший о высшем морском командовании. - Десант, заслон, обстрел, заградительная операция, все сразу и все в порядке боевой срочности, - засмеялся командующий. - Деловой мужчина. И, бросив окурок в воду, пошел к торговкам. Он очень любил арбузы и безошибочно выбирал их на слух.

2

Расставив циркулем ноги, сжав арбуз широкими ладонями, склонив голову набок и прищурившись, стоял командующий, а перед ним стоял флаг-секретарь. Флаг-секретарь был очень молод, одет во все белое и очень розов. Фамилия у него была французская и знаменитая.

- Товарищ командующий, - с трудом выговорил он, - телефонограмма из Бердянска.

На флотилии был необычайный процент французов. Предки их в свое время бежали из Франции, чтобы не стать синими, но потомки загладили их вину, став красными, а не белыми. Кровь в их жилах текла голубая. Патони-Фантон, де Веррайон, Дандре, Гизи, Бернард де Граве. Самого флаг-секретаря звали Василий Фуше де ля Дюбуазель, а называли Васенька-писсуар а ля Мадемуазель.

Сейчас он был сильно взволнован, но командующий продолжал внимательно выслушивать арбуз, и это действовало успокоительно. Флаг-секретарь начал понимать, что двумя делами сразу заниматься не следует, а начав одно, надлежит его закончить. Что мелочей на морской службе не бывает, а потому арбуз - тоже дело.

- Даю сто, - сказал наконец командующий, и торговка немедленно согласилась. Это была хорошая цена, не слишком дорогая, но и не слишком дешевая.

Оперативные телефонограммы не следует читать где попало. Поэтому командующий направился к сходне "Буденного", на котором помещался его штаб. За командующим пошел комиссар, увидевший телефонограмму, а за комиссаром Александр Андреевич Сейберт, начальник дивизиона канонерских лодок, увидевший арбуз.

На развернутом синем листке оказалось свидетельство о чьей-то смерти. Оно было неинтересно и неудивительно. На таких использованных бланках велась вся оперативная переписка. Но на обороте были две строки крупных карандашных букв.

Командующий прочел телефонограмму, взглянул на стенные часы и задумался. Комиссар тоже прочел и вполголоса выругался. Флагманский штурман, плотный и светлобородый, протянув руку к синей бумажке, сделал вопросительное выражение лица.

- Вслух, - тихо сказал командующий.

Штурман степенно откашлялся и медленно прочитал:

- "Белые обстреливают город. Пять канлодок и один миноносец. Пост Бердянск..." - И, подумав, спросил: - Будем выходить?

Выходить! Флаг-секретарь задрожал от напряжения. Это будет его боевым крещением, и он сумеет себя показать.

- Совсем не будем, - сказал командующий. - У них эскадренный ход десять узлов. Уйдут раньше, чем мы покажемся из-за Белосарайской.

- Товарищ командующий, надо действовать, - вмешался комиссар. Его сухое лицо казалось вдруг осунувшимся, и глаза

его потемнели.

- Я полагаю, надо обедать. - И, наклонившись к уху комиссара, что-то тихо добавил.

- Разрешите выйти на "Знамени" и завязать бой? - спросил начальник дивизиона канлодок. - Я тоже хожу десять.

- Не разрешу! - И командующий снова наклонился к уху комиссара.

Начальник дивизиона, взяв в руки арбуз, задумался. Драка, несомненно, состоится. В прошлом бою белая кал-лодка "Страж" все время по радио кричала: "Арбуз! Арбуз!" По их коду это, кажется, обозначает: "Вижу неприятеля". Командующий обладает свойством видеть сквозь арбузную корку, - он великолепно их выбирает... Он уже видит неприятеля и что-то задумал. Но что именно? .. Надо бы выдрать из порта брезент. На "Знамени" нечем накрывать приготовленные у орудий очереди... Интересно знать, что он собирается сделать?

Арбуз приятно давил на руки своей округлой тяжестью. Совсем необязательно, чтобы начальство рассуждало вслух.

Комиссар взглянул на карту и, усмехнувшись, пожал плечами.

- Будь по-вашему, - сказал он, - давайте обедать.

- Какие приказания, товарищ командующий? - звонким голосом спросил флаг-секретарь. Он с трудом сдерживался.

- Приказания? .. Прибраться после угольной погрузки. Команду до вечера на берег. С девяти, как всегда, получасовая готовность.

- Как? - Фуше не поверил своим ушам. - Это все?

- Так! - улыбнулся командующий. - Это все.

Флаг-секретарь Фуше де ля Дюбуазель покраснел еще гуще и вышел из кают-компании. Он был разочарован.

Конечно, начальство не обязано рассуждать вслух, но молчание начальства выдержать не просто. Выдержал только флагманский штурман, но он слишком хорошо знал своего командующего, и у него была борода. А по-глаживание бороды очень успокаивает.

Начальник дивизиона канлодок вскочил:

- Прикажете приготовить лодки к походу?

- Если флот находится в получасовой готовности, то канлодки, по-видимому, должны быть готовы к походу... Итак, оперативные разговоры закончены. Садитесь, Сейберт! Будем обедать.

Начальник дивизиона канлодок сел.

3

В кают-компании, сшитой из свежих досок, полутемно. Уже

вечер, и в круглых иллюминаторах горит красное небо. Пахнет сосновой смолой и керосиновой лампой. Смутно доносится третий запах, холодящий и тревожный, Он идет из-под трапа, из горловины кормового погреба. Это запах бездымного пороха.

- К ночи, пожалуй, выйдем, - сказал Сейберт.- Разрешите еще кружечку, Христофор Богданыч.

Командир "Знамени социализма" поспешно обтер узкие седые усы и схватился за чайник. Он был хозяином этой кают-компании. Она могла не блистать убранством, но была гостеприимной, - весь сахар комсостава стоял на столе.

- Куда мы пойдем, Александр Андреевич? - спросил он, подняв брови и осторожно наливая чай.

- В море. Точнее отвечу завтра.

- Начальство спятило, - вдруг сказал флагманский артиллерист. - Белые лупят по Бердянску, а оно кушает суп. - И артиллерист развел руками.

- Не волнуйся, Кисель, - сказал Сейберт и подул на свою кружку.

Кисель, кстати сказать, было не прозвище, а фамилия флагманского артиллериста.

- Мне волноваться нечего. Мое дело маленькое - я при командующем. Волноваться придется тебе... С начальниками частей все-таки следовало бы согласовывать.

- А что, если нечего согласовывать?

- Наверное, нападем на Керченский пролив, - сказал флаг-секретарь. Ему очень хотелось участвовать в разговоре, но никак не удавалось начать.

- И расстреляем в лепешку все море, - добавил Сейберт. - Вроде того восточного деспота, который выпорол его в другом месте. Кстати, тоже в проливе. Нет, Васенька, проливы не виноваты. Нападать на них незачем.

- Перед Керчью у белых стоит целый броненосец. У Бердянска было шесть отличных кораблей, да в Керчи еще что-нибудь найдется. А у нас четыре, извините за выражение, канлодки и четыре буксира с трехдюймовыми на заду. - И, дав флаг-секретарю время в уме сопоставить силы противника, флагманский артиллерист резюмировал:-Никакой дурак с таким флотом нападать не станет.

- Может быть, будет эвакуация? Отойдем к Таганрогу?- спросил командир "Знамени социализма". Всю жизнь он проплавал на коммерческом флоте и пуще всего не любил артиллерийской стрельбы. От нее у него болела голова.

Но в Мариуполе семья, маленький фруктовый сад и все привычное. Нет, эвакуироваться он не хотел. В крайнем случае он

был согласен идти в бой.

Флаг-секретарь Фуше сидел в углу дивана, темно-красный и вспотевший. С самого получения бердянской телефонограммы он никак не мог принять своей нормальной окраски. Длинное смуглое лицо флагманского артиллериста казалосьудивленным, но это выражение уже стало для него привычным, - оно появилось на его лице при первом взгляде на корабли Азовской флотилии. Христофор Богданыч, командир "Знамени социализма", озабоченно вздыхал. Ему выдалась неспокойная старость.

Александр Андреевич Сейберт, начальник дивизиона канлодок, молча пил чай. В самом деле: куда идем, куда поворачиваем?.. И брезента в порту не дали. Не управление порта, а... заведение!.. А командующий, очевидно, хочет изловить неприятельскую эскадру. Но где и как, раз она ходит вдвое скорей и уже должна быть на пути домой... Нет, тогда не было бы смысла выходить. Очевидно, он рассчитывает, что белые где-то заночуют. Интересно было бы знать, где именно и по каким признакам он догадывается.

- Товарищи, - вдруг сказал он, поставив кружку на стол. - Все понятно. Как вам известно, в порту стоит поезд наивысшего начальства. Командующий просто хочет от него удрать. Днем это невозможно, а ночью оно не заметит.

- Вот дурак!-удивился флагманский артиллерист.

- Позвольте, - начал уже оправившийся флаг-секретарь.

- Не позволю, - ответил Сейберт и неожиданно, голосом командующего, произнес: - Оперативные разговоры закончены.

4

Первыми снялись сторожевые суда - маленькие буксиры с маленькими пушками на корме. Их звали: "Данай", "Пролетарий" и "Пугачев".

Потом поочередно стали сниматься канлодки. Землеотвозные шаланды "Буденный", "Красная звезда", ледокол "Знамя социализма" и снова шаланда "Свобода". С трудом разворачиваясь, они выходили в ворота порта. На канале "Свобода" для уравнения эскадренного хода приняла буксир со "Знамени социализма". Самостоятельно она давала всего четыре узла.

На берегу было темно, а в море казалось еще темнее. Над портом, над высоким фруктовым садом, на горке стояли четыре женщины. Оттуда корабли казались совсем маленькими и жалкими. Просто две линии плоских черных пятен на темной воде

- Сумасшедшие, - вздохнула младшая, невеста одного из уходивших. - Калоши, как есть калоши. Куда они пошли?

- И как ползут! - отозвалась другая. - Не видно, чтобы они двигались вперед.

- Ничего, - сказала мать комиссара штаба. - Этим кацапам везет,

5

На мостике черные люди. Они молча смотрят. Так смотрят, что начинают болеть глаза. Это тяжелый физический труд, но, сколько ни смотри, - все одно скользит темная вода, липнет к ней тяжелый дым, и смутными пятнами расплываются соседние корабли.

Недавно легли на новый курс. В точке поворота командующий поставил сторожевое судно, с которого голосом передавал приказ ворочать последовательно. Сей-берт улыбнулся: молодец командующий, этого никакому Нельсону не придумать. Нельсон дал бы сигнал и после поворота растерял бы в темноте половину своих судов, потому что сигнализация на азовских грязнухах неопределенная. У них особая психология, и командовать ими нужно умеючи.

А внизу в котлах ревет огонь. Красные, блестящие от пота люди разгребают в топках сплошную кипящую массу угля. Шипят паропроводные трубы, сильно и ровно стучат машины, горько пахнет машинное масло, тускло горит электричество.

Наверху светает. Плывет темно-серая вода, и соседние корабли уже отчетливы.

- Закурим, Христофор Богданыч?

- Если разрешите, Александр Андреевич, я предложу своего табачку. Собственная смесь, Александр Андреевич.- И командир "Знамени социализма" осторожно вытянул из внутреннего кармана резиновый кисет. Он очень маленький, этот командир, Усы у него висят вниз и в утреннем свете кажутся заиндевевшими.

А табак у него действительно хорош. Только все равно ничего не понять. Сейберт отвернулся от карты и вздохнул. Куда идем, куда поворачиваем?. - Курс, кажется, на Геническ. Почему Геническ?. Сейчас с оста должна открыться Обиточная коса. Что ж, посмотрим.

- Прекрасный у вас табак, Христофор Богданыч - сказал Сейберт, и маленький капитан просиял. Он очень уважал Сейберта.

"Буденный" идет головным На нем, на мостике, комиссар и командующий. Они долго, молча и внимательно смотрят на постепенно светлеющий восток.

- Обиточная на месте, - сказал наконец командующий. - Вот они, голубчики.

- Слева по носу корабли!- крикнул сигнальщик.

- На якорях, - добавил командующий и тихо засмеялся.

- Правильно, - опуская бинокль и широко улыбаясь, сказал комиссар. - Вы меня простите, но я сильно сомневался.

- И я тоже, - неожиданно ответил командующий. - Фуше! Дайте сигнал: дивизиону сторожевых судов занять свое место. Флоту приготовиться к бою.

Фуше вздрогнул и вдруг забыл позывной дивизиона сторожевых судов. Может быть, "шесть мыслете"? Хотел броситься к сигнальной книге, но вовремя вспомнил, что все позывные на всякий случай набраны еще с вечера и лежат в левом углу сетки.

Сторожевые суда сразу повернули, перестроились и вышли вправо. Канлодки идут колонной, команда по боевому расписанию, орудия смотрят вверх и медленно во-рочаются.

- Мое дело сделано, товарищ комиссар, - сказал командующий. - Я привел их на место. Пускай дерутся, погода будет хорошая... Фуше, сигнал: открыть огонь по залпу адмирала... Кисель, действуйте. - И командующий сел на красный бархатный стул, для него принесенный из кают-компании и установленный на крыле мостика.

- Прицел сорок! - прокричал артиллерист. - Передать семафором по эскадре.

- Прицел сорок, - повторил сигнальный старшина "Знамени социализма", и Сейберт кивнул головой. Здорово близко... Но все-таки - откуда он мог знать? Вот дьявол!

- Все в порядке, Христофор Богданыч?

- Кажется, все, Александр Андреевич.

Командир "Знамени социализма" - глубоко штатский человек и чувствует себя неловко. Особенно потому, что не успел как следует вытереть руки. Неизвестно, почему посде сигнала "приготовиться к бою" он сбегал вниз и помылся под медным рукомойником у полубака.

На "Буденном" сверкнула зеленая молния, и сразу за "Буденным" ударил залпом "Знамя социализма". Христофор Богданыч сморщился и замотал головой.

- Начинается, -сказал Сейберт, - держитесь за воздух, отец Христофор.

- Недолет, - пробормотал судовой артиллерист. -Всплески перед силуэтами ясно, что недолет. Прицел сорок четыре!

И снова долгий раскат стотридцатимиллиметрового грома.

Командующий доволен. Со стула на крыле мостика видно, что канлодки ровно идут и своевременно посылают залпы, - все как следует быть. А неприятель снимается с якорей - значит, проснулся. Что ж, это тоже в порядке вещей. Нельзя же спать,

когда кругом валятся снаряды.

- Побудка, - прошептал командующий и погладил свой чисто выбритый подбородок.

На силуэтах вспыхнули огоньки - они отвечают. Что за странность - не слышно снарядов? Снова огоньки, и опять не видно всплесков.

- Товарищ командующий! - закричал Фуше. (В перерыве между двумя залпами, несмотря на все уважение к начальству, хочется кричать.) -Товарищ командующий, они стреляют холостыми.

- Товарищ флаг-секретарь, - ответил командующий. Голос его не громче обычного, но отчетлив, несмотря на вату в ушах. Горячей волной прокатился залп, и снова сквозь звон в голове слышен ровный голос командующего: - Они стреляют боевыми, но мы в темной стороне горизонта. Они не видят и бьют по нашим вспышкам. Прицелом кабельтов на семьдесят по догадке. Через наши головы. Понятно?

Снова залп, и после залпа видно, что командующий улыбается. Почему бы ему и не улыбаться в такое прекрасное утро? Задача разрешена успешно, а когда все кончится, можно будет позавтракать.

И вдруг командующий перестал улыбаться и встал. Что за черт? "Звезда" и "Свобода" пропустили залп. И следующий тоже, а на третьем замолчало одно из орудий "Буденного".

- Кисель?

- Ничего не понимаю. - У флагманского артиллериста окончательно удивленное лицо. Он действительно ничего не понимает. С какой стати они не стреляют? Что за чертовщина?

- Отбой! - сказал командующий и снова сел на стул. - Прекратить огонь... Фуше! Поворот последовательно восемь румбов вправо.

Бой прерван, и преимущество потеряно. Через, четверть часа белая эскадра будет на солнце, а против солнца - трудная стрельба.

Хочется бить мегафоном по голове флагманского артиллериста, объясняющего, что скисли стреляющие приспособления, но делать этого не следует, потому что от этого может испортиться дальнейшее управление огнем эскадры. Хочется идти таранить противника, но при современном состоянии морской техники это бесцельно. Надо спокойно выслушать доклад о том, что на "Буденном" уже все исправно, и предложить флагманскому артиллеристу лично обойти все корабли.

- Фуше, "Данай" к борту! Кисель, вам придется пройти по

кораблям и наладить артиллерию.

- Есть.

В каком сочинении о морской стратегии описан случай внезапного отказа артиллерии нападающего флота? Где искать указаний на то, как следует в подобном случае поступать командующему? Единственное указание он сможет найти в настоящем рассказе: ему нужно обладать хорошим характером, помогающим воздерживаться от лирических восклицаний и сохраняющим ясность тактического мышления.

"Данай" снова подошел к борту и высадил флагманского артиллериста. На флагманском артиллеристе нет лица. Вернее, оно есть, но до неузнаваемости измазано буро-зелеными пятнами компрессорного масла.

- Отказа больше не будет, - говорит он.

- Есть: Иду на сближение. Фуше!..

Теперь противник видит как угодно, но делать нечего. Слева узкой полосой поблескивает Обиточная коса, правее - силуэты, а над ними низкое красное солнце.

- Открыть огонь!

Вздрогнет от залпа корабль, прогудят снаряды и лягут высокими стеклянными всплесками у противника, И снова залп и далекий залп противника, а кругом взлетают водяные столбы, и от них, скрежеща, летят осколки. Уже давно закончена пристрелка.

Уже Христофор Богданыч примирился с непрерывным грохотом и больше не вздрагивает. Он думает медленно и с трудом. О мариупольских фруктах, чтобы легче было вынести стрельбу. О бесцельности всего этого дикого шума, - уже полтора часа стреляют из всех пушек, и ничего не случается. Когда же конец?

И только успел подумать, как мостик рвануло в сторону. Потом внезапно нос покатился вправо, а из машинного люка выбросило столб пара.

- Попадание шестидюймовым, - сказал Сейберт. - Отдать буксир со "Свободы".

- Есть, есть, - ответил Христофор Богданыч и по узкому трапу сбежал с мостика.

Ему почему-то не страшно. Может быть потому, что начальник совсем спокоен, может быть потому, что залп не опоздал - пушки тоже не испугались. А палуба не дрожит - значит, машина остановилась.

У самого борта лег снаряд и стеной воды обрушился на палубу. Христофор Богданыч не успел увернуться и вдруг рассердился.

- Рубите буксир, ироды! Безобразие! - завизжал он и затопал ногами.

- Прицел тридцать два, - басом отозвался судовой артиллерист, которого происходившее не касалось.

Каждый занят своим, и никто не должен интересоваться посторонним. Это золотое правило боя. В машине осколками разбило распределительный клапан главной магистрали, и обваренный механик уже приступил к его ремонту.

Но с мостика все видно и все понятно. По носу свиньей проскочил неразорвавшийся снаряд, - теперь начнут попадать, потому что стоящий корабль легче накрыть. Хорошо, что люди заняты делом, - тогда они не боятся. Христофор Богданыч вместе с боцманом из орудийного чехла и досок мастерят пластырь на пробоину. Пробоина на левом борту и над самой ватерлинией, на волне ее будет заливать. Они работают и кланяются каждый своему залпу, а неприятельских не замечают.

- Молодцы, - улыбнулся Сейберт и, отвернувшись, взглянул на бак. Там уже принимали буксир со "Звезды". Старший помощник "Знамени" ругался, стараясь перекричать носовую пушку, а комиссар Веткин с мрачным лицом управлял шпилевой машиной, выбиравшей буксир.

Но "Звезда" вытянуть не смогла и приняла буксир с "Буденного". Для порядка снова связались со "Свободой". Наконец снова прошли вперед медленным, но верным трехузловым эскадренным ходом.

- Знаменитый ход, - сказал командующий и потребовал чаю, потому что бой, по его мнению, грозил затянуться.

О том, что он был почти безнадежным, командующий не думал. Лучше не обладать излишней живостью воображения и не представлять себе, что случится, когда миноносец атакует торпедами связанные корабли. Лучше не вспоминать, что белые сильные, что они между Мариуполем и флотилией и что бой идет на курсе к Керчи, откуда может появиться еще что-нибудь.

Командующий спокойно пил чай. Но не мог знать, что из Керченского пролива уже вышел тысячетонный миноносец "Беспокойный" и с ним канонерская лодка "Грозный". Одного "Беспокойного" было достаточно, чтобы уничтожить всю красную флотилию, - он мог дать веер из десяти торпед.

То, что командующий этого не знал, было к лучшему, - такое знание не помогает.

- Плохо, - сказал флагманский штурман, когда на "Буденном" разбило осколками левую шлюпку. Но командующий взглянул на эскадру противника и пожал .плечами.

- Ихние ложатся все гуще, а наши мажут, - вслух подумал

комиссар, но флагманский артиллерист промолчал. Из таких пушек попадешь не сразу. Хорошо еще, что не рвутся.

- Попадание! - крикнул сигнальщик.

На третьей неприятельской канлодке вдруг пророс черный дымный столб. Он перекрыл трубу и рваными клочьями пополз назад.

За кормой на "Красной звезде" кричат "ура". Это ее попадание.

"Ура" доносится издалека и сквозь грохот слышится как сквозь сон. Снова всплеск у белой канлодки, и кажется, что она парит. Во всяком случае, она убавила ход, и четвертый корабль, перекрыв ее, остановился. Новый взрыв издали красивый и нестрашный. Он кажется игрушечным, потому что настоящим выглядит только взрыв на своей палубе. Корабли разошлись, а раненая канлодка сильно покатилась в сторону.

Теперь "ура" кричат на всех кораблях, - она погружается! Над ней выкатилось круглое облачко мягкого пара, и, когда оно оторвалось от воды, на поверхности осталась только тощая черная мачта.

"Ура" громче залпа. От него дрожит горизонт, темнеет в глазах и расширяется сердце.

- Товарищ командующий! - хрипло прокричал Фуше. - Радио.

Он счастлив и очень важен. Он горд тем, что все происшествия боя с точностью до одной минуты занесены в его черную книжку. Он ничего не боится даже того страшного, написанного на синей бумажке из радиорубки и лежащего в его протянутой руке.

- ""Жаркому" атаковать неприятеля", - беззвучно шевеля губами, прочел командующий. И услужливая память подсказала тактические данные "Жаркого": двадцать шесть узлов, два торпедных аппарата, две семи-десятипяти.

- Не много, но достаточно, - сказал командующий.

Миноносец выскочил вперед и побежал, расстилаясь по воде низким корпусом и длинным черным дымом из четырех труб. Потом повернул, блеснув бортом на солнце, и полным ходом пошел навстречу.

- Атакует, сволочь, - сказал комиссар флотилии.

- Странно, - ответил командующий. В самом деле, зачем они по радио предупредили об атаке? И совершенно неожиданно командующему показалось, что он играет в покер. Противник делает вид, будто купил четвертого туза... Значит, он его не купил, и это только реклама... Но зачем? .. А вот зачем: он хочет отвлечь огонь от своей эскадры.

- Фуше! Поднимите: "Сторожевым судам отбить атаку

миноносца".

- Есть!

- Сторожевым судам? - удивился комиссар. - Буксиры против миноносца?

Но ответил только грохот очередного залпа, и комиссар вдруг понял: нельзя ослаблять огонь и нельзя бояться. Иначе пропадешь.

"Данай" сразу увеличил ход и поднял: "Следовать за мной". Сторожевики выровнялись и дали сухонький залп. Потом второй, потом третий, и еще, и еще. Перед носом миноносца снаряды выбили сплошную стену всплесков. Она опадала, снова выплескивалась и переливалась, но оставалась на месте. Такой огонь называется заградительным. Заставить себя в него войти очень трудно. Ми-ноносец не выдержал и повернул обратно.

- Буксиры прогнали миноносец, - сказал командующий.- Ничего сверхъестественного, - и носовым платком вытер вспотевший лоб. Он нечаянно подумал о том, что произошло бы, если бы миноносец дорвался до торпедного залпа.

А между прочим, ничего особенного не произошло бы, потому что "Жаркий" в этот день атаковал с пустыми аппаратами. Четвертого туза у противников не было.

- В головного! - закричал сигнальщик.

Командующий поднял бинокль. Нет... ничего не заметно. Видно только, что белые прибавили ходу... Они уходят из боя.

Внизу снова кричат "ура". Это победа. Комиссар подошел к командующему и дал ему папиросу. Командующий встал и предложил комиссару огня.

- Мыс Хрони, - сказал штурман, и командующий кивнул головой Он уже десять минут тому назад заметил впереди над горизонтом мутно-синее пятно и знал, что это вход в Керчь-Еникальский пролив.

- Как бы кто-нибудь оттуда не вылез, - пробормотал штурман, но командующий повернулся к нему спиной и пошел к трапу.

Он, конечно, не мог знать, что за горизонтом "Беспокойный" подорвался винтом на мине и теперь возвра-щался в Керчь вместе с "Грозным", не посмевшим идти на минное поле. Если бы знал, не удивился. Он был твердо уверен в победе.

- Дальше не пойдем, - сказал командующий. - Отбой! Фуше! Поднимите: "Адмирал выражает флоту свое особое удовольствие", а потом распорядитесь обедом.

Замки открыты, и пушки развернуты по ветру, чтобы остыли. Люди тоже остывают, и на палубе идет приборка.

Сейберт и командир "Знамени социализма" молча ходят по мостику. Из машины доносятся звонкие удары, визг напильника и

веселая ругань. Машинная команда еще не кончила своего боя, потому что механик поклялся до Мариуполя починить разбитый клапан.

- Христофор Богданыч, - вдруг сказал Сейберт.

- Ась? - отозвался капитан, почувствовавший себя на мирном положении.

- Чем замечательна Обиточная коса?

- Обиточная? - удивился капитан. - А чем она может быть замечательна? Коса как коса. С обеих сторон море, а посредине песок.

- Море, вы говорите?

- Конечно, море. - И Христофор Богданыч с опаской взглянул на своего начальника. Он, кажется, не в себе: говорит и смотрит очень странно.

- И больше ничего? - задумчиво спросил Сейберт. - А что там делают?

- Ничего, совсем ничего. Только рыбу ловят, - успокоительно проговорил Христофор Богданыч.

- А много там рыбы?

- Рыбы? Известное дело - много. Там самое главное место после донских гирл. В мирное время там и рыбаков не меньше, чем рыбы, а вот сейчас пусто.

- Тогда все понятно, - сказал Сейберт.

"Что понятно?" - хотелось крикнуть капитану, но он удержался. Если начальник действительно не в себе, лучше дать ему отдохнуть. Но Сейберт взглянул на него и на его лице прочел невысказанный вопрос.

- Понятно, почему мы вышли ночью и на рассвете были у Обиточной. - И Христофор Богданыч вдруг почувствовал, что не понимает чего-то очень простого, что обязан был бы понимать. От этой мысли он похолодел. Неужели он сам не в себе?

Он был сильно потрясен боем.

8

- Чуть правее, товарищ штурман, - сказал сигнальщик и повел рукой по сверкающему горизонту.

- Вижу, - ответил прильнувший к дальномеру флагманский штурман. - Это мачта той самой канлодки. Она лежит на грунте. И на мачте, кажется, люди... Вахтенный, доложите командующему. Он в кают-компании.

- Слева по носу мачта утопленного неприятеля, - доложил вахтенный. Командующий положил ложку и обтер губы куском хлеба.

- Очень приятно.

- Так точно, товарищ командующий. Только на ней люди,

которые видны вооруженным глазом. - Вахтенный был из писарей и любил точную терминологию.

- Семафор на "Данай", чтоб обследовал, - распорядился командующий и снова занялся супом, сваренным по его собственному рецепту, а потому очень вкусным.

Вторая тарелка того же супа называлась вторым блюдом, а арбуз - третьим. За арбузом Фуше доложил, что на "Знамени" исправили повреждение в машине и сейчас будут отдавать буксиры.

- Отлично, - отплевываясь косточками, сказал командующий.

- "Данай" возвращается, - добавил Фуше. - Сообщает, что снял с мачты троих из команды погибшей канлодки. Он везет их сюда. - И все встали, потому что пленные - очень редкое явление в морской войне.

Первым на борт "Буденного" вступил голый в офицерской фуражке. Он не мог расстаться с черно-золотой кокардой, последним атрибутом утонувшей власти. Забронированный в серое одеяло с "Даная" и посиневший от холода, он продолжал быть офицером.

Второй, тоже голый и завернутый в сигнальный флаг "ижица", красно-желтый полосами, несомненно раньше был сигнальщиком. Третий, в грязном рабочем платье, конечно, был кочегаром. Он обсасывал потухшую папиросу и при виде людей в фуражках с козырьками выбросил ее за борт. Они - начальство.

- Что вы с нами сделаете? - шепотом спросил офицер и вдруг крикнул: Расстреливайте сразу!

- Ты дурак, Дырка, - спокойно сказал командующий, и офицер вздрогнул. Как был в корпусе дураком, таким и остался. Мало я тебя под винтовку ставил... Товарищ комиссар, позвольте представить: бывший лейтенант Ржевский. Тремя выпусками моложе меня.

- Теперь старший лейтенант,-из последних сил сказал Ржевский и в упор взглянул на комиссара. Он самый страшный, этот комиссар, но бояться не годится... Само слово "комиссар" - зловеще. Что он скажет?

- Теперь уже не старший лейтенант, - улыбнулся комиссар, и от этой улыбки сердце бывшего лейтенанта остановилось. Что же дальше? - Отведите их обедать и выдайте им обмундирование. - И, взглянув на своего смертельно бледного собеседника, комиссар хлопнул его по плечу: - Держись, лейтенант!

Но лейтенант не удержался. У него подкосились ноги, и он с размаху рухнул на железную палубу.

Когда в полной темноте поднимаешься по лестнице, бывает, что на площадке сделаешь лишний шаг вверх. Нога, не встретив

ступеньки, проваливается. Это безопасно, но очень неприятно. Так же неприятно, как опрокинуть в рот вместо водки рюмку воды, налитую шутливо настроенным приятелем. От такой рюмки можно задохнуться.

Бывший лейтенант Ржевский приготовился к расстрелу и, когда узнал, что вместо комплекта пуль получил комплект обмундирования, упал в обморок. А когда, очнувшись, осознал, что он больше не старший лейтенант,- потерял способность управляться и, как миноносец с перебитым в бою штуртросом, не держался на курсе.

В кают-компании он жадно хлебал горячий суп и залпом выпил чай с сахаром флаг-секретаря Фуше, но наотрез отказался от папиросы, твердо выговорив:

- От врагов своей родины принять не могу.

Решительно заявил, что он монархист, и не менее решительно, что все белые - прохвосты. Потом обругал комиссаров и сразу же высказал сожаление, что не служил с самого начала у красных.

Такая логика свободно может появиться у человека, свыше четырех часов просидевшего в холодной воде. После первых десяти минут холодная вода уже не освежает.

- Хотел бы у нас служить? Корабли наши, что ли, понравились? - осведомился командующий.

- Поганые пароходы!- возмутился Ржевский и начал с горячностью доказывать, что всю красную флотилию, безусловно, раскатал бы на своем "Салгире".

- Нет, - сказал командующий. - Не раскатал бы. Твой "Салгир" лежит на дне и решительно никуда не годится.

- Мы понравились, - догадался комиссар.

Ржевский хотел что-то ответить, но так и остался с открытым ртом и долго смотрел на комиссара выпученными глазами. Наконец опустил их и тихо сказал:

- Да.

Потом опять разгорячился и заговорил о белом флоте. Здесь есть служба, а там нет. Там отличные корабли и пушки. Много офицеров, хороших, плохих, каких угодно, Но нет команд. Комендорами - гимназисты, дальномерщиками - гимназисты, машинистами - студенты, кочегарами- благовоспитанные юноши, - это невозможно, от этого блевать хочется. А матросов на корабли почти не берут, потому что они сволочи и большевики.

И вдруг заметил, что его внимательно слушают. От этого неожиданно почувствовал какую-то новую уверенность в себе и даже улыбнулся. В конце концов, можно жить и без чина старшего лейтенанта, а у большевиков порядок и верная победа. Комиссар

говорил, что до конца войны посадят в какой-то концентрационный лагерь. Что ж, пускай сажают.

- Товарищ комиссар, - неожиданно для самого себя сказал он, - дайте, пожалуйста, закурить.

10

Вечер спокоен, и горизонт чист. Команде выдали манную кашу с недельным пайком сахара, и она праздновала победу.

Сейберт, вызванный в штаб, медленно проходя мимо флотилии на "Данае", думал о не полученном в порту брезенте. Сейчас самый подходящий момент для того, чтобы вырвать у командующего громовую резолюцию на рапорте.

Командир "Даная" долго и сурово жаловался на свою судьбу. Ему надоело быть извозчиком, развозить всякое начальство с корабля на корабль, подходить на ходу к этим чертовым бандурам, выуживать из воды каких-то белогадов и вообще гонять взад и вперед.

На "Буденном" в кают-компании снова заседание. Весь старший комсостав флотилии с хмурыми, озабоченными лицами, а на столе перед командующим голубой бланк из радиорубки. Неужели новое оперативное происшествие? И Сейберт почувствовал, что определенно не любит боевых операций на море и сильно хочет вернуться в Мариуполь. Довольно славы.

- Садитесь, Сейберт, - сказал командующий, не отрываясь от лежавшей перед ним бумажки. Все молчали, и от этого становилось тревожно.

- Нет, - вдруг сказал флагманский штурман, - не годится.

- Конечно, не годится, - согласился командующий. - Ваше предложение тоже ни к чему, Кисель.

Флагманский артиллерист вздохнул, и снова наступило долгое и тягостное молчание. Наверху громыхал штуртрос, а под ногами медленно пульсировали винты. Нет хуже тишины на идущем корабле.

- Сейберт, - сказал наконец командующий, - мы в затруднительном положении. Сейберт выпрямился.

- Слушайте, Сейберт, вы, кажется, умеете сочинять стихи.

- Стихи? Какие стихи?

- Всякие, - объяснил командующий, - с рифмами.

- Почему стихи? Допустим, что умею, но зачем?

- Для передачи по радио, - ответил комиссар и, взглянув на лицо Сейберта, расхохотался. Он никогда не смеялся так долго и громко, и за ним засмеялась вся кают-компания.

- Слушайте, Сейберт, и вникайте, - продолжал командующий. - Мы собираемся по радио послать привет белым. Начинается так:

Господа офицера,

Не пора ли вам, пора
От баронова двора...

- Понимаете? А что дальше - неизвестно.

- Простите, товарищ командующий, вы для этого меня вызвали?

Командующий молча кивнул головой, и Сейберт долго думал, что ему сказать. Наконец наклонился вперед и начал:

- На "Знамени социализма" нам крайне нужен...

- Брезент? - перебил его командующий. - Знаю. И знаю, для чего он нужен, десять раз слышал. Если хорошо сочините - получите.

- Так, - подумав, сказал Сейберт. - В таком случае. .. пишите, - и одним духом выговорил:

А не то на Перекопе Накладем мы вам по шляпе.

Командующий записал и, скосив голову, взглянул на написанное. Он прочел его про себя не меньше двух раз, отбивая ритм указательным пальцем по столу, а потом поднял голову и сказал:

- Брезент получите.

11

Наверху крупные звезды, внизу черная, медленно ползущая вода, а посредине, на кормовом мостике "Буденного", четыре человека. Они отдыхают.

- Откуда он узнал, что белые заночевали у Обиточной косы? - удивился голос флагманского артиллериста. Артиллерист до сих пор не мог успокоиться.

- Сведения разведки,- с подчеркнутой небрежностью ответил голос Фуше. Фуше чувствовал себя великолепно осведомленным флаг-секретарем.

- Глупости, - возмутился штурман.

- Конечно, глупости, - сказал голос командующего, и все вздрогнули, потому что командующего с ними не было. - Товарищи командиры, я объясню вам все. Я хочу развить ваше оперативное мышление. Прежде всего надо знать своего противника, а белых я знаю. Я неспособен допустить, чтобы они предприняли поход с исключительно боевыми целями. Они, конечно, имели более важные намерения: например - половить рыбку. Сперва они выполнили официальную часть своей программы, а именно - постреляли по Бердянску. Это для реляции по начальству. А потом отправились по персональным надобностям. Кроме того, судя по времени обстрела, им пришлось либо совершить ночной переход в Керчь, либо переночевать на якорях. Последнее значительно приятнее, а потому казалось мне более вероятным. Где самая удобная

стоянка? За Обиточной косой. Кстати, там чудесно ловится рыба. Остальное ясно само по себе. Не так ли?

- Совершенно верно, Сейберт... Вы угадали, - сказал тот же голос командующего. Но на этот раз он шел снизу, с палубы.